

Светлана Демченко

18+

Найти ось...или Судьба

Повесть

Светлана Андреевна Демченко

Найти ось... или Судьба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41815668

SelfPub; 2019

Аннотация

Именно в жизни с человеком происходят такие коллизии, которые самое талантливое, самое пытливое воображение вряд ли способно представить. Толчком для написания этого произведения стал реальный рассказ, фактически, исповедь человека, находящегося на смертном одре. Вряд ли ему в эти минуты было до лукавства и лжи. Первоначальное потрясение только спустя десятилетия, одетое в художественную канву, вылилось в эту повесть.

Содержание

Пролог	5
I	7
II	12
III	23
IV	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Найти ось...или Судьба

Повесть

«Если увидишь убийцу, или блудницу, или пьяницу, валяющегося на земле, не осуждай никого, потому что Бог отпустил его повод, а твой повод держит в руках. Если твой тоже отпустит, ты окажешься, может быть, в куда худшем положении».

Грузинский старец Гавриил (Ургебадзе).

Пролог

Никто и ничто в этом мире не стоит на месте. Всё, – воодушевлённое и неживое, – работает безостановочно и занимается только ему присущим ремеслом.

Как и у земли есть своя ось, так и в сердце каждого человека есть внутренний стержень, вокруг которого строится и вращается жизнь.

Важно, чтобы эта ось была устойчивой и надёжной. Тогда и созидание вокруг неё становится деятельным и продуктивным.

Люди, как и растения, и камни, решают свою таинственную задачу, не зная отдыха и остановки. Отдают себе отчёт в этом или нет, не имеет значения, – изменения неотвратимы.

Этот опыт шлифует не только развитие, но и самого носителя, его участь, судьбу.

При этом громадную работу в роли скульптора ежедневно совершает вечное приспособление и самосохранение.

В ходе этих естественных процессов взращивается как позитив, так и негатив: жизнь и смерть, созидание и разрушение, добро и зло, любовь и ненависть, радость и печаль.

Отсюда и наше удивление: на камне растут цветы, в песках бьёт ключ, вполне достопочтенный человек вдруг оказывается мошенником или убийцей, друг – недругом.

Не задумываясь, мы живём в масках, отлитых по воспоминаниям приятностей и досад, которые, так или иначе, несут следы пережитых событий и действий. Плохих и хороших.

Естественно, что благодеяния расцветивают замаскированные лица привлекательными узорами; обиды же и зло, зависть и другие пороки уродуют их, оставляя глубокие бороздки. Все дурное несет в себе начало саморазрушения.

Всякий наш поступок вызывает столько различных объяснений, сколько сил в нашем уме. Самые низменные шаги кажутся сперва простыми и естественными, потому что они не требуют больших усилий для своего проявления.

И если человек не борется против их привычного нашествия, то они постепенно подтачивают и отравляют благородные надежды, светлые верования, которые присутствуют в нас с юности. И к концу земных дней, к человеку приходит осознание порочности прошедшей жизни и самые грустные разочарования.

Именно в жизни с нами происходят такие коллизии, которые самое талантливое, пытлиное воображение вряд ли способно представить.

Толчком для написания этого произведения стал реальный рассказ, фактически, исповедь человека, находящегося на смертном одре. Вряд ли ему в эти минуты было до лукавства и лжи.

Первоначальное потрясение только спустя десятилетия, одетое в художественную канву, вылилось в эту повесть.

I

Сырой осенний ветер хулиганисто метался в городских переулках. Кое-где уже зажженные огни в домах причудливо расплывались, разбегались в стороны.

Под тусклым светом было видно, как в наступающее вечернее время продолжал буйствовать листопад: сиротливые листья то снижались, то взмывали, срывались в сумрак и неслись дальше и дальше, пока не падали на мостовые и тротуары, покрытые влагой и грязным месивом.

«И куда, куда же тебя несет, несмышлёныш?! Зачем оторвался? Сейчас закрутит еще больше, завертит, и не заметишь, как окажешься под ногами у прохожих. И прощай тогда твоя краса и гордость».

Клавдия Ивановна задумчиво смотрела в окно. Это ее блуждающий взгляд в рваной завесе предвечернего сумрака зацепился за кружащийся пожелтевший листочек старого клена, и где-то уж почти на бессознательном уровне она, словно, беседовала с ним.

«Если бы улетел, и жизнь сохранила тебя, куда еще нишло, так нет же, уничтожит, растопчет и следа не оставит. Так и ты, мой дорогой сынок, зря торопишься покинуть родной дом и меня. С кем останусь? Ведь ты у меня один-единственный. И чует-чует мое сердце,— не за добром едешь. Не нравится мне это. Но беспомощна я, не знаю, как тебя оста-

НОВИТЬ».

*

Может, ей надо быть решительней, проявить волю. Вот так же уехал от неё и её муж, Степан. И где он теперь? Заработки на Севере обернулись новой семьёй.

А ведь как красиво начиналась их жизнь! Они были веселы, беспечны, подобно всем людям, считающим своё счастье, если не вечным, то долговременным. Эти образы были сохранены в неприкосновенности её памятью. Сейчас они вновь всплывают перед ней, и поражают своей несхожестью: какими они тогда были, а какими стали сегодня? Кто бы мог подумать, что они посмеют сказать друг другу хоть одно грубое слово?! А наговорили их в ссорах уже целый ворох.

Специально она не искала воспоминаний, которые ещё минуту назад были не видимы и не слышимы. Они появлялись сами собой, одно за другим, предоставляя ей право выбора. Каждый раз рисуемая памятью прогулка в прошлое досаждала ей напоминанием о былом счастье и радости.

Конечно, она сожалела об исчезновении первоначальной откровенности между нею и мужем, и воспоминания о ней всегда приносили боль утраченного чувства.

Спустя два года совместной жизни, она неожиданно для себя обнаружила, что совсем не знает подлинной сущности Степана. Эта мысль, как бы, была кем-то вброшена в неё, как в горнило, и скручивалась в огне терзаний и переживаний.

В такие минуты ее по обыкновению спокойное лицо тот-

час же мрачнело; оно, как скисший фруктовый сок, казалось навсегда помутневшим. Складка её губ начинала горчить и самопроизвольно двигаться в шепоте: «Не может быть, не может быть...».

Женщина гнала прочь от себя эти разрушительные набеги мыслей, но, похоже, они накрепко зацепились в её мозгу. Она уже наверняка знала, что Степан не откровенен с ней, говорил неправду вначале по пустякам, но когда вместо рыбалки с ночёвкой оказалось, что он и не был там, её сердце забилося в тревоге.

Ложь ведь не требовательна, ей нужно так немного, чтобы проявиться! Всё равно, когда, и всё равно, в чём. Она стала его постоянным оружием вводить в заблуждение, в неведение близкого человека. Он прибегал к ней всё чаще и чаще.

Всякий раз красивая ложь мужа паутиной злословия оплетала его тайные встречи на стороне и безудержно доносила до неё, пусть и искажённую в чём-то, весть об изменах. Эти тайны прилетали неожиданно, их вопли разрывали душу и удушали её.

А он, похоже, не утруждал себя угрызениями совести, которую, кажется, постепенно день ото дня терял напрочь. Всё чаще и чаще не ночевал дома. А, может быть, он и был таким бесстыжим, а она в любовном угаре этого не замечала?

Иногда ей чудилось, что их жизнь делается невыносимо бурной, что её темп даёт себя чувствовать даже в выходные: Степан всегда спешил на работу, на которой его очень часто

не оказывалось.

Порой будни всхрапывали так неровно, что она сама пугалась их шумного дыхания: друзья, охота, рыбалка, поездки, застолья. Раньше они были более спокойными, оведали её благополучием. И куда это всё подевалось? Кто привнесил этот беспокойный кураж в её повседневность? Уж не она ли сама? Не без этого, конечно. Ведь со всем этим мирилась, всякий раз, молча, благословляла мужа на уход из дома. Притворялась спокойной и довольной жизнью.

Но... Что но? Семейного тыла у неё не было. Да, она, получив инвалидность по болезни, оставила работу; может, не надо было? Третья группа— это же не первая, трудиться ещё могла. Но ведь Степан настоял на её уходе. Теперь она понимала: изолировал от общих друзей и знакомых. Глупыш: они же всё равно не пропускают случая рассказать ей о нём. «Сердобольные» слишком. По-женски относилась это к тому, что ей завидуют: такой красавец рядом.

Так, вслед за светлыми и радостными минутами первых двух лет супружества, их настигли раздоры, которые, как тот затяжной осенний дождь, удлинились, и потому совместная жизнь начала превращаться в серую привычную обыденность.

Ей бы хотелось найти такого судью, или свидетеля, чтобы они решили, имеют ли смысл её подозрения и претензии, постоянные вычисления измен, или они просто неосмысленный парадокс.

Вот эта бесформенная неизвестность одолевала. Она не имела конца и края, вызывала тоску и тревогу.

По её путям, конечно, особенно далеко не уйдешь. Другое дело – реальность. Но в данном случае явь служила лишь притравой для неизвестности. Лучше бы ничего не знать и не догадываться, думать как можно меньше об измене мужа, не давать ревности никакой конкретики.

Ей не раз указывали адреса, где, мол, можно «поймать Стёпу на горячем», но воспользоваться этими наставлениями, означало для неё окончательно потерять себя. Клавдия помнила бабкину науку: советы по поводу личной жизни редко приносят пользу. «Нет, пусть изменяет, не хочу даже знать, с кем, а первая на разрыв не пойду. Буду терпеть, хотя бы ради сына».

Она оставалась безгласной, имела такой вид, точно ничего не знает, чем окончательно выводила Степана из себя. Ему хотелось услышать какое угодно обвинение, хотя бы для того, чтобы обрушиться на нее, но нет: ответом было лишь, как ему казалось, равнодушное молчание.

Клавдия не скандалила и тогда, когда муж засобирался уезжать на Север на заработки: понимала, что хоть их отношения и держатся на волоске, но не рвутся же совсем?! «Может, на расстоянии будем роднее?» – утешала себя.

II

За окном уходящий день отвечал то порывистым вздохом ветерка, то наступающим синим бархатом вечера. Лучи света, воровато льющиеся в окна, временами озаряли картины на стенах. А в какую-то минуту, они нащупали, наверное, то, что искали: лик Богородицы в верхнем углу комнаты.

Клавдия зажмурилась даже. «Надо будет пойти в церковь. Свечу Николаю Угоднику поставить, помолиться за сына. До его прихода успею». Предстоящее расставание с ним не давало покоя.

Она быстро собралась и, не мешкая, поспешила в храм. Сокращая расстояние, не прошла, а буквально пробежала несколько переулков с садами, которые словно маленькие заповедники, источали свой тонкий яблочный запах.

Остатки белого рукава сгорающего дня то выгибались от ветра и набегающих туч, складываясь насупленной темнотой почти вдвое, то под освобождающимися лучами заходящего солнца разрастались до всклокоченной горы света, постепенно разламывающейся на мириады бликов, жадно облизывающих всё вокруг.

«Солнышко, какое ты ещё ласковое, Господь давно зажёт тебя, согрей моего сына в дороге». Ей показалось, что солнечные колосья замигали в ответ и, будто, извиняясь, растаяли под облаками.

В храме было тихо, таинственно. Вверху отсветы мигающих солнечных зайчиков переползали с витража на витраж. Окошек там было много. Лучи время от времени затевали между собой какую-то перекрёстную игру, которую никто не мог остановить, кроме них самих. Когда она прекращалась, внизу заползал сумрак, испещрённый пятнами лампадок. Святая вязь иконостаса светилась в пламени восковых свечей.

Клавдия была верующей. Особенно после встречи во сне с живым Божьим ликом. Этого сна ей не забыть никогда.

Она стояла в совершенно незнакомом ей месте. Вокруг ни души. Осмотрелась. «Где я?» – подумалось. Растерянно вертела головой то налево, то направо, оглядывалась, всматривалась в даль. Сплошная мерцающая сероватая дымка. Всё очень напоминало лунную поверхность, сфотографированную искусственным спутником Земли. Но она не была равнинной, усеянной кратерами, словно, бусинками. А вся, сплошь и рядом, покрыта белесыми валунами, большими и малыми. Одни из них были конусообразными, но без острых углов, другие – этакими овальными, «яйцеподобными», словно, вот-вот лопнут, и кто-то выйдет из них. И совсем не ощущалось твердости, каменности, все воспринималось как пористая белесо-пыльная субстанция. «Что же это за остров такой?» – теребил разум. – «И почему вдруг остров? А, может, это просто горы?..». Но не перестающие удивляться глаза не спешили подтвердить роящиеся мыс-

ли. Под ногами та же поверхность, что и вокруг. Галькообразные камушки, ласковые такие, и ноги утопают в них, как в игривых облаках. Как будто, наметилась дорожка, ведущая сверху вниз, в кажущуюся ложбину. Достигнув, как ей казалось, середины, в который раз осмотрелась. Звенящая тишина. Безмолвие. Безлюдье. И мерцающий рассеивающийся свет. И вдруг с противоположной для нее стороны глаза выхватили из этой пелены два серебристых силуэта. Чем ближе они спускались со склона, тем становились выше и стройнее. Широкие длинные до пят одеяния скрывали их фигуры, а лица закрыты довольно глубокими капюшонами.

Шли они настолько медленно, что в какую-то минуту ей показалось, что их ноги не касаются земли, что они летят и вот-вот приземлятся. «Что же делать? Некуда даже спрятаться», – разгоралась тревога. – «Буду стоять на месте, а там будь, что будет».

Два таинственных пришельца не проронили ни слова, а как-то аккуратно с обеих сторон взяли женщину под руки и повели по тропинке, также спускающейся куда-то вниз.

И вот перед ее испуганным взором начало медленно вырисовываться громадное строение, напоминающее земной собор или старинную церковь. Поразила его высота. Чем ближе спутники подходили к нему, тем грандиознее и величавее оно казалось.

Подойдя к его воротам, она вопросительно посмотрела на своих спутников. Но встретив их, казалось бы, безраз-

личие, прикоснулась до дверной ручки и ощутила невероятное тепло, постепенно переходящее в жар. И вдруг ощущение огня заставило резко одернуть руку. «Спокойно, – сказала себе. – Это же храм!».

Войдя в здание, путешествующая троица остановилась. Ничто не нарушало затаенного безмолвия, наполненного неизвестностью. Только в одном углу строения, вверху на куполовидном своде зияла дыра, сквозь которую врвался солнечный луч. Он властно разрезал объёмную высоту наискось, освещая в центре на полу круг с неопределённо-условными границами.

Незнакомцы подвели к нему женщину и, как и ранее, молча, подняли ее руки и вложили в них большой расписанный крест. Ощувив его далеко не легкий вес, подумала: «Как бы мне не уронить его...».

Затем ее поставили в освещенный круг. И в эти же секунды ноги сами собой оторвались от пола, и она с вытянутыми вперед руками, цепко впивающимися в святоликий крест, в наклонном положении, как бы, поплыла по траектории луча света, погружаясь в него, казалось, навсегда и бесповоротно.

Вокруг мерцали золотистые искорки, они касались ее лица, рук, словно успокаивали: «Все хорошо, все нормально».

С каждой последующей секундой полета увеличивалась скорость, рождая сначала дуновение, а затем и умопомрачительные порывы космического ветра. Минута-вторая, и она

покидает причудливое здание, вылетает, словно, пробка из откупориваемой бутылки шампанского.

Она перестала ощущать свое тело. И, как ни странно, незримые объятия сказочного света, вихреобразный танец его частиц наполнял ее естество озоновой свежестью, какой-то невообразимой радостью, предчувствием чего-то необычайного.

Смутно осознавая, что уже вся она, трудно отличимая от космического вихря, как-то резко и внезапно оказалась перед сияющим небосводом необычайной неземной яркости.

Она не поддается описанию словами. Они оказываются слишком бледными и безликими в сравнении с этим видением. Всю ширь озаренного небосвода заполнял лик Иисуса Христа.

«Сейчас попрошу у него все, что захочу», – решила небесная путешественница. Но, поравнявшись с его проникновенным взором, лишь прошептала:

– Прости, прости, прости!..

*

За окном уже наступило утро. Она открыла глаза. Еще не освободившись полностью от объятий сна, растерянно осмотрелась, потрогала подушку, даже ущипнула себя. «Я дома. Я на земле. Это был только сон...».

Но эту встречу с чем-то неизведанным и неземным, с живым ликом Сына Божьего женщина забыть не может. Как и не в состоянии заглянуть в глубинные загадки Мироздания

и тайны своей связи с ним.

Она даже обращалась за толкованием сна к астрологу . Записала его мнение: « Я думаю, что в этом сне в астрале вы были в контакте с экгрегором христианства, то есть, с высшими силами из этого экгрегора. Практические выводы: запомните своё состояние, когда вы летели. Это ресурсное состояние. Вы можете его воспроизводить осознанно. Похоже, что в этом сне произошло очищение вашей сердечной чакры,— через прощение».

*

Сколько себя помнит, в их доме всегда присутствовало слово Божье. Бабушка пела в церковном хоре. По воскресеньям всегда читали библию и вспоминали прабабушку Прасковью. Набожнее её в семье не было. И каждый раз повторяли, какой она была, что завещала, и как умерла. Эта история поучительная, и всем в роду была известна. Близкие знали о её мечте умереть в Пасхальные дни.

– По-другому не будет,— говорила.— Всю жизнь молю Бога о таком его милосердии.

Прабабушка придерживалась всех постов, корила и внуков, и правнуков:

– Не будьте безбожниками, не гневите Всевышнего, молитесь...

А они, от малышни до взрослых, любили ее за мудрость, спокойный нрав, терпеливость. Уже несколько лет ее ноги совсем не слушались, и она почти не слезила с печи, но никто

не слышал от неё ни стонов, ни нареканий на жизнь. Подадут поесть, отобедает, но сама никогда не попросит. Случалось, когда две правнучки, трех и пяти лет, особенно досаждали ей, говорила:

– А, ну-ка, пойдите в сад и посидите под шелковицей, пусть три ягоды упадут на голову, – волосы сразу же станут шелковыми.

Вот так и сидели девчонки под деревом, а когда надоедало, собирали на земле шелковички, придерживая, клали на голову и бежали к старушке.

– Волосы у нас уже шелковые?

– Расплетите косички сначала, расчешите, нежно погладьте, сами почувствуете, насколько приятны ваши волосы, какие они шелковистые, в самый раз, как у русалок...

В другой раз, когда, умываясь утром на кухне, девочки начинали баловаться, брызгаться водой, с печки доносилось:

– А почему это вы умываетесь здесь? Быстрее бегите под вишню, если хотите быть красивыми и румяными, идите под ту, самую большую, что под окном...

Иной же раз обязательно вмешается:

– Доченька, да не мой ты им головы тем отвратительным мылом, мне оно сараем пахнет, нарви любистка, в его отваре и мой, и ополаскивай. Затем, полушутя, дополняла:

– Больше парни будут любить.

– А почему тот куст любистком называется? – спросила как-то Клава.

И прабабушка рассказала такую легенду. Якобы, жил один парень-красавец, он очень нравился девушкам. Сто красавиц предлагали ему свои сердца, но он свысока от всех отвернулся. Тогда они рассердились на него, собрались вместе и обратились к колдунье. Та и превратила его в куст, который с того времени так и называется: "люби-сто-к(расавиц)". Ведунья придала ему магическую силу – своим запахом, особым терпким ароматом привлекать юношескую любовь.

– Это зелье только для девочек, мальчишкам оно не нужно, – напоминала рассказчица.

Когда в первые годы Великой Отечественной войны во время оккупации в дом заходили немцы или полицаи, она сердито шептала:

– Господи, прости, сгинь, нечистая сила!

Во время бомбовых налетов авиации вся семья, – и старые, и малые, – прятались в погребе. Однажды в него через небольшой квадратный лаз заглянул, наставив вниз винтовку, немец. Все подумали, что это конец. Но младшенькая вдруг вспомнила слова прабабушки: « Господи, спаси и помилуй нас!»

Солдат же, помедлил с минуту и... не выстрелил.

Когда бомбежка закончилась, все выбрались из погреба и побежали к дому. Но в этот раз его не увидели. В одночасье даже не могли сообразить, что произошло. Снаряд или бомба попал в само здание, на земле остался стоять какой-то непонятный треугольник, где была не разрушенной только

до боли всем знакомая печка. И на ней лежала чудом уцелевшая, без единой царапины живая прабабушка, правда, вся усыпанная штукатуркой, обломками и песком и почти полностью оглохшая.

Все бросились ее целовать, обнимать, кто-то из старших запричитал, а любопытные правнучки тут же с вопросом:

– А почему, бабуленька, тебя бомба не убила?

– Потому что она умная, – ответила старая.

– Разве бомбы бывают такими?

– Бывают. Она сказала мне, что ее сбросили глупые недобрые люди, а она их не послушала. Она знает, что грех убивать стариков, детей, всех невинных, вот и не задела меня. Разумная бомба попалась... К тому же ведала, наверное, что умру я не сейчас, а на Пасху...

– А в погреб заглядывал немец, видел нас и также не убил. Значит, и он умный? Как-то не верится, что бомбы тоже разум имеют, – не унималась детвора.

– Имеют, если над ними есть благословение Господнее...

– А я в погребе твою молитву говорила, – громко, крича старушке в ухо, похвасталась малышка.

– Умница ты моя. Вот вас Бог и сберег, чтобы мы встретились...

*

Старушка умерла на следующий год. Попросила конфету, закрыла глаза, да так тихонько и отошла в мир иной. Ей исполнилось тогда девяносто пять лет. Дома, кроме старшего

правнука, никого не было. Все ушли в церковь: был первый день Пасхи. В ночь накануне шла сильная гроза. Прабабушка молилась, считая её знамением.

Крестилась молния кривой рукой. Мигал светильник затаённый.

От вспышек жмурился ночной покой. Очнулся ливнем напоённый.

*Бог опрокинул чашу из небес. Принёс зарю и омовенье.
Он точно знал: Христос Воскрес для радости и пробуждения!*

Румянец хлеба – Солнца каравай, подаренный зарёй от Бога,-

Он вечен Светом, силой, так и знай: то Вера наша и подмога!

Эти прекрасные религиозные порывы остались с Клавдией на всю жизнь. И горько ей от того, что люди относятся сейчас к вере легковесно, лукаво, как к модному явлению, не вникая в его суть.

Мы любим Лики, а не Суть.

И молимся пред ними возжеленно.

Из Храма выйдя, продолжаем путь, –

По-прежнему идем дорогой ленно.

Не разбирая, где Добро, где зло.

И путаем одно с другим довольно часто.

Хотим, чтоб в жизни нашей повезло,

Чтобы удача нам служила ежечасно.

*От Суты той, что в Ликах светит,
Отходим мы все дальше в мир теней.
Ответов ждем от тех, кто не ответит,
Кто жизнь твою не сделает полней.
Хотим прожить, как можно дольше!
Но... не умеем дорожить
Той Сутью Ликов, что спасает больше,
И наставляет, как пристало жить.
Не в долготье, не в достатке
Та Суть с Небес заключена.
Отдаться Свету без остатка, —
С ним Суть навек обручена!*

III

До ее слуха донесся поворот ключа в замке входной двери. «Андрюха идет. Что-то рано сегодня», – пронеслось в голове.

Женщина поспешила навстречу сыну.

Погода не радовала, было холодновато. Ветер сипло стучался в окна, словно был простужен сыростью и дождём. В открытую Андреем дверь на Клавдию пахнуло этим погодным хулиганством.

– Скорее входи, сынок, не то сквозняк будет. У меня на кухне окно открыто.

На пороге появился Андрей в куртке нараспашку, без головного убора, весь какой-то взъерошенный, по-мальчишески раздурявшийся и улыбающийся.

– Все, мать, написал заявление об уходе. Задерживать не станут.

Заменить меня есть кем. Ты же Алеху Скворцова знаешь? Вот он и согласился быть инженером по технике безопасности в цехе. Завтра получу расчет, и можно собираться в дорогу.

– Ой, сына, не знаю, не к добру эта спешка. И чего тебе здесь не сидится? Многие мечтают жить в Одессе. А ты уезжаешь. Да еще куда? На кулички. В Сибирь. И где только на нашу голову взялся этот Дима? Сам мать оставил и тебя подбил.

– Да не в Диме-то дело. Сама знаешь. Катя здесь. Не могу просто так взять и забыть. Иногда зубы сцеплю, сдерживаю себя, чтобы не позвонить, хотя и знаю, что семья у нее, муж.

– Не стоит она твоей любви, Андрюша. Не успел в армию уйти, как тут же замуж за стоматолога своего выскочила. Небось, давно с ним встречалась, а тебе только голову морочила.

– «Небось» говоришь? «Неба ось» получается. Небось, так было, будет, так и состоится, и Неба Ось останется крутиться вокруг Добра и Света, чтоб во временнУю Лету не канули они...». Где-то читал в интернете. Запомнилось.

Продолжил:

– Живем мы в этой жизни на "авось"?! Подумать можно: плохо это? На самом деле нам пришлось использовать отцов заветы. Ведь это важно: Ось найти, чтобы вокруг нее всё завертелось, как надобно... А как оно надобно? Кто знает?

– Мать, все понимаю. Но... вот и есть это «но», которое занозой в сердце сидит. Поеду к Диме. Тем более, – зовет. Он же там в начальниках ходит. Должность есть, зарплату хорошую обещает. Буду тебе денежку высылать. А не понравится, – домой. Мы же птицы вольные.

Строить дальше прогнозы ему не хотелось. Слишком хорошо было на душе.

Андрей разделся, снял ботинки, автоматически сунул ноги в стоявшие возле вешалки мягкие тапки, на ходу обнял мать, поцеловал в щечку и направился, было, на кухню.

– Ты куда, шкодник? А руки мыть после улицы? С детства твержу одно и то же, и уже больше четверти века не могу никак приучить, – растерянно развела руками женщина.

– Приучила, приучила, – рассмеялся сын, открывая дверь в ванную.

Клавдия Ивановна прошла тем временем на кухню готовить ужин.

Разогрела на сковородке котлеты, порезала овощи, хлеб и привычно поставила на плиту чайник.

– Иди ужинать, – позвала сына.

Войдя в кухню, Андрей аппетитно потер руки, подвинул стул ближе к столу, удобно уселся и принялся за еду.

Мать с любовью смотрела на сына. «Какой же он у меня красавец, весь в отца. Статный, высокий. А глаза?! Глубокие, о таких говорят, утонешь. Посмотришь и провалишься. Одна Катька-то глупая и не оценила. Знать, не ему назначена. А вспомни себя. А что себя? Также Степану не уготована была».

Давно уже заколоченные двери к прошлому вновь и вновь открывались в мозгу. Она всякий раз находила забытую мелодию обиды то ли на себя, то ли на Степана. То одну, то другую. «Не любил...; никогда не любил...». Эти приходившие ниоткуда модификации их отношений как-то обновляли ощущение нынешней семейной жизни и внешний мир вокруг неё.

Она боялась и сегодня признаться, что Степана, несмот-

ря на его измены, любила всегда. Только он, пожив с ней в гражданском браке семь лет, завербовался на Север, да так и не вернулся, обзавелся там другой семьей и остался. И о том, как она самостоятельно воспитывала сына, ведомо только ей одной.

Вначале Степан, хоть и не часто, но звонил, присылал переводы, а спустя год прекратил. До сих пор для неё осталось загадкой, почему так поступил.

«Потому что он таким был всегда, разве забыла?» – сердилась на себя Клава.

Обесцвеченная и безответственная резинка привычки туго затянула свой узел в повседневности, родила для них тусклую жизнь, лишая будни хотя бы локальной сочности тепла и внимания друг к другу.

Да, жили в последние годы в каком-то обманном тумане, принятом обеими по умолчанию, скандалили; он лгал, изменял ей, думала, на расстоянии одумается, как-никак сына родили, но он не вернулся.

Не стала выяснять да выпрашивать. Наверное, просто никогда не любил, а сказать открыто об этом не осмеливался, хотел её обвинить в разрыве.

Её ошибка (ошибка ли?) была извинительна лишь с оглядкой на то, что невозможно предусмотреть всё сполна, так или иначе её заблуждение относительно Степана было неизбежным.

– Мамуля, ты где, алло? – помахал Андрей руками перед глазами. – Почему сама не ешь, хотя бы чайку попила.

– Да-да, Андрюша, – очнулась, словно, ото сна, Клавдия Ивановна. – Сейчас и я попью чаю. Я не голодна. А ты молодчина, что все съел, еще котлетку хочешь?

– Спасибо, вкусные, но достаточно.

После ужина Андрей прошел в свою комнату. Включил музыку.

И, похлопотав с мытьем посуды, Клавдия Ивановна робко приоткрыла дверь в детскую.

– Можно к тебе?

– Входи, зачем спрашиваешь?

– Поговорить, сын, надо. Чует мое сердце, что ничего доброго тебя в этой Сибири не ждет. Может, передумаешь? Тревожно мне.

– Нет, мать, решено, окончательно и бесповоротно. В понедельник я уже должен быть на месте. Лететь самолетом придется. С пересадками.

– Это же, сколько километров отсюда?

– Не знаю, все пять-шесть тысяч наберется. Завтра пойду за билетами, там все и выясню.

– Значит, не передумаешь?

– Нет и нет. Вопрос решен. Я Диму предупредил. Кстати, спроси у тёти Кати, может, что передать захочет? Или у Ларисы, жены его.

– Спрошу обязательно.

Клавдия Ивановна как-то сникла, вздохнула: « Господи, помоги моему сыночку».

И вышла из комнаты.

«Останусь одна. Обоих отпустила. Получается, что сама лишаю себя радости семейного счастья и добровольно надеваю на себя тогу одиночества».

IV

Судьбоносные решения принимаются в большинстве случаев вдруг и в одночасье, словно в мозгу щёлкает какой-то выключатель. Так оно пришло и к Андрею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.